

Вильчинская Алла Геннадиевна

аспирант

Национальный педагогический
университет им. М.П. Драгоманова

г. Киев, Украина

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ
М.И. ЦВЕТАЕВОЙ К СЛОВАМ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ
И ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ)**

***Аннотация:** статья посвящена анализу фрагмента метафорического континуума, эксплицирующего определённые образы слов в сознании М.И. Цветаевой. Посредством описательного метода, а также ряда приёмов внутренней интерпретации выявлены метафоры и охарактеризованы основания для взаимоперехода между метафорами. Автором в работе рассмотрены яркие примеры.*

***Ключевые слова:** метафорический континуум, слово, Цветаева.*

Творчество М.И. Цветаевой на протяжении многих лет остаётся близким и понятным для многих людей, в то же время загадочным, в силу особого использования автором разнообразных языковых средств. Все тексты являются проявлением таланта, искренности и мастерства, что объясняет постоянное обращение к ним как ценителей литературного искусства, так и учёных.

Идиостиль М.И. Цветаевой подробно проанализирован Л.В. Зубовой, Е.Л. Кудрявцевой, Е.Л. Лавровой, М.В. Ляпон, О.Г. Ревзиной, О.Ю. Шишкиной. Тематический диапазон исследований огромен и затрагивает все уровни языковой системы – от фонетики до пунктуации. Многие работы созданы в русле лингвокультурологии (В.А. Маслова, С.Ю. Лаврова), компаративистики (К. Азадовский, Н.И. Большакова) и ряда междисциплинарных наук.

С.А. Ахмадеева, О.В. Платонова, Н.П. Уфимцева исследовали метафоры в творчестве М.И. Цветаевой, тем не менее данную тему нельзя назвать исчерпан-

ной. Актуальным остаётся вопрос о системе тропов индивидуального художественного сознания [1], в особенности проблема корреляции метафор в прозаическом наследии поэта, включая эпистолярный и дневниковые записи. В связи с этим вводится понятие «метафорический континуум», под которым понимается открытая система метафор, функционирующая благодаря взаимообусловленности всех её компонентов.

Цель настоящего исследования – проанализировать отношение М.И. Цветаевой к словам как отдельным языковым единицам, а также материалу, коим они являются для поэта. Под отношением мы понимаем аксиологический и образный аспект в мировидении М.И. Цветаевой. Нами проанализирован весь спектр явлений, связанный с лексемами – от частного до глобального понимания слов и их взаимоотношений с писателями.

Одним из наиболее часто используемых слов является местоимение «я», отношение М.И. Цветаевой к которому, явленное метафорически, вызывает интерес.

Перечисляю: ни одного литературного произведения, всё письма, мемуары, дневники, не литература, а живое мясо (души!). Человек без кожи – вот я. (Само слово я) ... (здесь и далее подчёркнуто М.Ц.) [3, с. 14].

Соотнося литературное творчество с телесной и духовной сущностью поэта, то есть, не разграничивая человека и его призвание ни физически, ни абстрактно, автор континуально, посредством метафор (*живое мясо души → человек без кожи*) подводит к образу уязвимости поэта и его одиночества – *само слово я*.

Невозможно обойти стороной ещё одно слово, близкое всем людям, и его особое понимание М.И. Цветаевой, находящейся в двух социальных ролях – дочери и матери.

Мать – это обнимать, понимать, унимать, поднимать [3, с. 510].

Необычность синонимического ряда заключается в графическом облике и морфологических особенностях слов, оформляющих его. Все глаголы объединены общей формой инфинитива, где часть корня выделена в соответствии со сходством с обликом и звучанием узуальных префиксов (*об-, по-, у-, под-*). В

каждом из указанных глаголов акцент, падающий на квазиприставки, оттеняет часть корня и суффикс, принимающие облик обобщающего слова – *мать*. Таким нетривиальным образом соотносится наименование человека и его действия.

Ещё одна метафора, выражающая отношение М.И. Цветаевой к упомянутому слову, не требует интерпретации: *«...и если я сказала мать – то потому что это слово самое вмещающее и обнимающее, самое обширное и подробное, и – ничего не изымающее. Слово, перед которым все, все другие слова – границы»* (письмо А.С. Штейгеру, 1936 г., здесь и в последующих примерах сохранена пунктуация автора) [5, с. 566].

Средством выражения отношения ко многим явлениям может служить окказиональная субстантивация, косвенно указывая на отношение к любым словам как уникальным средствам выражения чувств и значений. В определённом контексте черты имени существительного проявляют наречия (а), частицы (б), междометия (в).

1. *У меня трудно рифмуется только с чудно* [3, с. 220].
2. *Люди счастье ведут от не: не холодно, не скучно, не больно* [3, с. 276].
3. *Страна Увы* [3, с. 276].

Встречаются метафоры, в которых притяжательные местоимения, не имеющие, как и все местоимения, степени сравнения, приобретают суффикс «-ее», свойственный сравнительной степени наречия: *«... и всю жизнь дарила – вещи и книги, когда видела, что они человеку нужнее, свое – чем мне...»* (письмо А.Э. Берг, 1936 г.) [5, с. 500]; *«моее всех, на свете»* (А.С. Штейгеру) [5, с. 581].

В метафорах воплощается и негативное отношение поэта к некоторым словам (как правило, глаголам). Сила негативных эмоций, связанных с определённой единицей речи, сопоставима с неприязнью по отношению к неким материальным объектам (*ненавижу слово «перестукать», как звук, как вещь* (письмо А.Э. Берг, 1934 г.) [5, с. 474]), либо людям. Параметром олицетворения может служить семантика признака, неожиданно сопоставляемого с какой-либо

частью речи («пользуюсь» – *гнусный глагол* (письмо А.Э. Берг, 1939 г.) [5, с. 539]).

Кроме отдельных частей речи М.И. Цветаева неоднократно выражает своё мнение по отношению к деривации. Неожиданным является то, что поэт, увлекающийся окказиональным словообразованием, воспринимает кощунственными некоторые общеупотребительные лексемы, созданные таким привычным способом как сложение.

Как из таких двух огромных слов: добро и душа смогли сделать это среднее, вялое добродушие? (Случай, когда вещи, сложенные, дают безмерно-меньшее: уничтожаются. Иногда такой случай – брак. NB! Не мой) [3, с. 551].

Метафорическое значение возникает благодаря тому, что абстрактные единицы материализуются (слова – вещи). Очевидно, М.И. Цветаеву не устраивает лексическое значение новообразования. Глобальному значению указанных слов (добро – положительное начало в нравственности [2, с. 185], душа – нематериальное начало жизни [2, с. 205]) действительно не соответствует сдержанное толкование «добродушия» – «мягкосердечие и благожелательная приветливость» [2, с. 186]. Исчезновение индивидуальности, возникающее при создании пары из двух феноменов, континуально вызывает в сознании пишущего ассоциацию с браком.

И вот, замечая, что ненавижу всё, что -любие: самолюбие, честолубие, властолубие, сластолубие, человеколюбие – всякое по-иному, но всё – равно. Люблю любовь, Вера, а не любие. (Даже боголюбия не выношу: сразу религиозно-философские собрания, где всё, что угодно, кроме Бога и любви) (письмо В.Н. Буниной) [5, с. 261].

В указанной метафоре типа «неживому – неживое» вновь овеществляется отвлечённое понятие. Отторжение автором указанной единицы связано с тем, что сам морфологический статус «любия» ниже, чем «любви», поскольку это не самостоятельное слово, а компонент сложного (как во всех перечисленных М.И. Цветаевой примерах). Таким образом, корень люб- умалывается, становится второстепенным, тогда как значение самостоятельного слова «любовь»

(чувство глубокой привязанности, преданности [2, с. 418]) является полным, самодостаточным.

По схожему образцу тот же суффикс переносится на качественное прилагательное, не способное образовывать степени сравнения: *«Живописнее, увлекательнее, горячее, даровитее, неожиданнее и, в чём-то глубоком – настоящее человека – я никогда не встречу»* [5, с. 657]. При помощи графона автор выделяет слово «настоящее», которое, будучи окказионализмом, составляет омонимическую пару узуальному существительному и прилагательному среднего рода (настоящее). Так в 1939 году М.И. Цветаева писала в последнем письме А.И. Андреевой (вдове Л.Н. Андреева), с которой её связывала многолетняя дружба.

Чаще М.И. Цветаеву интересует соотношение звучания и смысла слов, но иногда встречаются в метафорическом континууме и обращения к визуальному оформлению лексем: *«Это не наваждение. Это наглядная – воочию – достоверность. Сами слова – неизмеримые пространства (вроде тех, по которым Снежная Королева везла Кая) сам вид слов. (Широта и долгота). Вид слов здесь есть их смысл»* [3, с. 15]. Апеллируя к прецедентным именам и названиям географических координат, автор создаёт пространственную метафору, связанную со словами из книги С.М. Волконского «Художественные отклики». Как это часто бывает, слова М.И.Цветаевой о произведениях другого автора отличаются пронизательностью, поскольку вполне применимы к её собственному творческому почерку.

Одно и то же словосочетание может характеризовать разные явления, диаметрально противоположные с точки зрения их одобрения либо порицания автором. Так, например, языковая метафора, характерная для советской эпохи, трижды обыгрывается в прозаическом наследии М.И. Цветаевой.

Я не любовная героиня, Борис. Я по чести – герой труда: тетрадного, семейного, материнского, пешего. Мои ноги герои, и руки герои, и сердце, и голова [3, с. 524]. Во второй раз, вспоминая родителей в письме Р.Н. Ломоносовой: *«Словом, советское «Герой труда». У меня это в крови: и отец, и мать были*

такими же. Долг – труд – ответственность – ничего для себя – и всё это врождённое, за тридцать земель от всяких революционных догматов, ибо – монархисты оба (отец был вхож к Царю)» [5, с. 330]. В третий раз автор, напротив, использует указанную метафору для выражения отрицательного отношения к поэту В.Я. Брюсову, назвав так статью о нём. Континуально метафора трансформируется, уточняя контекстуальное значение: «Смерть Блока – громовой удар по сердцу; смерть Брюсова – тишина от внезапно остановившегося станка» [4, с. 549].

Самое главное отношение М.И. Цветаевой к слову как феномену проявляется в метафоре, основанной на библеизме:

Но одно: если существует Страшный Суд Слова – я на нём буду оправдана (письмо Р.Н. Ломоносовой, 1939 г.) [5, с. 320].

В христианском учении Страшный Суд – это предстоящий в «конце времён» суд вторично пришедшего Иисуса Христа над всеми когда-либо жившими на земле людьми. В метафоре *Страшный Суд Слова* само «слово» воспринимается как божество. Отталкиваясь же от прямого значения библеизма, «дела» поэта, его творчество, именно со словом и связаны. Также мог подразумеваться суд не над всеми людьми, а только над поэтами.

В глобальном плане отношение М.И. Цветаевой к словам связано с ответственностью всех (в первую очередь писателей) за свои слова, примером чего служит следующая метафора:

Может быть, мы бы второй частью «Мертвых Душ» и не соблазнились. Достоверно – им бы радовались. Но наша та бы радость им ничто перед нашей этой радостью Гоголю, который из любви к нашим живым душам свои Мертвые – сжёг. На огне собственной совести.

Те были написаны чернилами.

Эти – в нас – огнём [4, с. 842].

Используя параллелизм, а также хиазм как одну из форм его проявления, автор подчёркивает значимость для любого писателя как сказанных, так и невысказанных слов. Обращаясь к прецедентной ситуации, поэт создаёт метафору, давая свою интерпретацию произошедшей ситуации (*огонь* → *огонь совести*).

Таким образом, спектр отношений к слову колеблется от пренебрежительной оценки, вызванной индивидуальными ассоциациями с материальным (ряд артефактных метафор в объяснительной функции), до отношения к слову как высшей ценности.

Список литературы

1. Иванова Л.П. Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»): Учебное пособие к спецкурсу / Л.П. Иванова. – К.: Освита України, 2006. – 140 с.
2. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Альта-Принт, Дом. XXI век, 2008. – VIII. – 1239 с.
3. Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и И.Д. Шевеленко – М.: Эллис Лак, 1997. – 640 с.
4. Цветаева М.И. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе / М.И. Цветаева. – М.: Альфа-книга, 2008. – 1214 с.
5. Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1995. – Т. 7: Письма. – 848 с.